

Выходные у Гоуданя выдались до предела насыщенными. За эти два дня он ни разу не вспомнил про учебу и даже не заглянул в лавку — они с Ван Сюанем просто наслаждались обществом друг друга, напрочь позабыв обо всем на свете. Уставали — шли в гостиницу отсыпаться, голодали — выбирали ресторан поуютнее. Они только и делали, что тратили, тратили и тратили деньги, чувствуя себя абсолютно счастливыми.

Но выходные пролетели слишком быстро. Как бы ни хотелось продлить эти беззаботные дни, пришло время возвращаться к суровым студенческим будням. Вернув машину мастеру Циню, парни наскоро собрали вещи и сели в пригородный автобус. Гоудань проводил Ван Сюаня до ворот его общежития и, хотя расставаться ужасно не хотелось, пошел к своему корпусу в самом благодушном расположении духа.

Напевая под нос веселый мотивчик, он размашисто толкнул дверь в комнату.

— О, все в сборе? — улыбка застыла на его лице, стоило ему заметить висевшую в воздухе тяжелую, угрюмую тишину. Кое-кто из парней сидел на кроватях, повесив носы.

— Что стряслось-то?

— Слышь, Ли Кай, ты где пропадал эти два дня? — вместо ответа спросил кто-то.

— Делами занимался, — уклончиво ответил он. — Выкладывайте, что у вас случилось.

Гоудань легонько потеснил Се Сыюэ. Тот лишь безропотно поправил очки и пересел на край кровати, освобождая место. Гоудань тут же устроился рядом.

— Да у нас-то всё нормально, а вот у Дэн Цзяхуэя беда стряслась, — вздохнул один из парней. — Вчера вернулся — глаза красные, опухшие. Когда здоровый мужик так убивается, ясно же, что случилось что-то страшное. Мы давай расспрашивать, еле вытянули: у него отец кровью кашляет. В уездной больнице сказали — что-то с лёгкими, а лечение стоит бешеных денег. Точного диагноза он и сам не знает.

— Из дома звонили? — нахмурился Гоудань.

— Да. Обычно мы сами родным звоним, а тут они впервые набрали, и сразу такое... — Собеседник махнул рукой.

Цзяхуэю и самому приходилось несладко: едва перебивался на пособие для малоимущих студентов. Учёба в университете — это ведь не только плата за семестры, но и куча сопутствующих расходов, на которые вечно не хватало денег. А теперь эта новость — настоящая беда, которая ломает всё окончательно. Их вуз — не педагогический институт, где льгот побольше, да и времена изменились: ни продовольственных талонов, ни прежних повышенных стипендий нынешним студентам уже не полагалось.

— Он ведь старший в семье? — спросил Гоудань. — Кажется, у него ещё куча младших братьев и сестёр, один брат точно в среднюю школу ходит.

— Вот именно. И что теперь делать? Семья надеется, что он тут, в городе, найдёт деньги на лечение? Но он же сам ещё студент, откуда у него такие средства?

Гоудань понимал, что ситуация тупиковая. Цзяхуэй ничем не мог помочь отцу, находясь за сотни километров от дома. Подобные звонки лишь вешали на парня непосильный груз вины и отчаяния, не решая самой проблемы.

Да и что это за «болезнь лёгких»? Первое, что приходило на ум Гоуданю, — запущенный туберкулёз. Но если дело дошло до харканья кровью, а человек только сейчас обратился к врачу, то всё могло оказаться куда страшнее. Вдруг это рак лёгких в терминальной стадии? Гоудань порой прислушивался к разговорам Ван Сюаня на медицинские темы и знал, что при нынешнем уровне медицины такие диагнозы звучали как приговор. А стоимость лечения в любом случае исчислялась астрономическими суммами.

Когда Гоудань озвучил свои безрадостные предположения, в комнате воцарилась тяжелая, давящая тишина. В народе не зря говорят: можно пережить любую беду, кроме хвори. Тяжелая болезнь способна в одночасье пустить по миру даже самую зажиточную семью, превратив её в нищих.

— Мы тут подумали... — подал голос Ван Фан. — Давайте соберем, у кого сколько есть. Скинемся, поможем товарищу. В конце концов, не умрем, если весь месяц посидим на пустой воде и сухарях.

Остальные согласно закивали.

Гоудань лишь покачал головой.

Ван Фан тут же вскинулся:

— Ли Кай, ты что, против? Мы же однокашники! Как не помочь в такую минуту? К тому же по тебе не скажешь, что ты последний хрен без соли доедаешь.

Гоудань смерил его таким тяжелым, ледяным взглядом, что Ван Фан невольно осекся, хотя и продолжил упрямо сопеть. Гоудань аж усмехнулся от злости.

— Ты один у нас тут святой, да? — процедил он. — Я головой качаю не потому, что мне денег жалко. Просто то топорное решение, которое вы предлагаете, никуда не годится. Понимать надо. Мы все учимся вместе, делим одну комнату и проживем бок о бок четыре года. Понятно, что мы ближе друг другу, чем остальные на потоке. Ваше желание помочь абсолютно естественно. Но вы хоть на секунду задумались, как себя при этом почувствует сам Дэн

Цзяхуэй?

— Да мы же ему помочь хотим! С чего бы ему обижаться? — буркнул Ван Фан, по лицу которого всё ещё читалось подозрение, будто Гоудань просто ищет предлог, чтобы придержать кошелек.

— А теперь представь, — Гоудань подался вперед. — У него стряслась беда, и мы просто суем ему в руки пачку купюр. Вроде бы дело благое. А как ему потом с нами общаться? Вы об этом подумали? У каждого есть гордость. Поставь себя на его место: ты нищ, на тебя смотрят с жалостью и сочувствием, пусть даже дают деньги. Сможешь ты после этого спокойно смотреть людям в глаза? Каково это — постоянно чувствовать себя объектом чужой благотворительности?

Бедность способна согнуть человека в дугу, лишит его воли — это Гоудань знал не понаслышке.

— И... что же тогда делать? — растерялся Ван Фан.

— Помогать надо, но с умом. Нам нужен другой подход. Кстати, а где сам Цзяхуэй? Мы обязаны обсудить всё с ним напрямую. Никаких тайных сборов за его спиной и уж тем более глупых сюрпризов в духе «вот тебе деньги, мы всё решили». Так мы только растопчем его мужское достоинство.

— Да, надо сначала спросить его согласия, — согласился Чэнь Вэньлай. — Иначе, если слухи поползут по всему курсу, ему совсем житья не будет.

Цзяхуэй и так был не слишком общительным, а если почувствует себя всеобщим посмешищем или бедняком, которого все жалеют, то замкнется в себе окончательно.

— Ли Кай дело говорит. Мы как-то совсем упустили это из виду, — поддержал Чжао Шэн.

— Да ладно вам, какой из меня мудрец, — криво усмехнулся Гоудань. — Просто сам когда-то через подобное проходил.

Он прекрасно знал: чем глубже в человеке сидит забитость и неуверенность, тем острее его самолюбие. Болезненное тщеславие — это лишь броня, защитный панцирь, под которым прячется уязвимая душа. Однокурсники замолчали, задумчиво разглядывая Гоуданя, но тот развивать тему не стал.

— Кто-нибудь знает, где он сейчас? Надо найти его и привести сюда, поговорим по-человечески.

— Давайте я сбегаяю, — вызвался Ван Фан, которому явно стало неловко за свою недавнюю

вспышку.

— Нет, ты останься, — покачал головой Гоудань. — Пусть лучше Чэнь Вэньлай и Се Сыюэ сходят. А мы пока набросаем примерный план.

Гоудань и сам ломал голову, как поступить деликатнее. Одно неверное слово — и едва установившийся мир в комнате разлетится в щепки, а атмосфера снова станет ледяной. Дэн Цзяхуэй упорно учился много лет, начиная со школы, и все это время его образование влетало родителям в копеечку. Впрочем, винить парня было не в чем: в те годы так жила добрая половина студентов. Поступив в университет, молодые люди полностью погружались в лекции и зачеты, не забывая голову мыслями о заработке. В общественном сознании прочно закрепилась установка: добывать хлеб насущный — забота старших. Студенческие подработки в те времена оставались редким исключением. Это сейчас Гоудань понимал, насколько они с Ван Сюанем, ухитрявшиеся с малых лет сами обеспечивать себя, казались окружающим какими-то невероятными, диковинными зверями. Цзяхуэй же рос обычным парнем: пока идет учеба, его делом было сдавать сессии, а не думать о финансах. И какова бы ни была нужда дома, мало кто из студентов всерьез задумывался о поиске работы.

Стоило взглянуть на огромный университетский кампус: десятки тысяч молодых людей, но хоть кто-то из них пытался устроиться на полставки? Да ни единая душа! А ведь среди них хватало как выходцев из обеспеченных семей, так и откровенных бедняков. В лучшем случае сердобольный преподаватель мог подкинуть какую-нибудь непыльную работу на кафедре ради скромных карманных денег. Ну или администрация выделяла для самых нуждающихся места в программе трудоустройства при вузе — мыть полы или дежурить в библиотеке за сущие копейки.

Но все эти крохи были каплей в море. Спасти положение они не могли. Тот же Цзяхуэй: его мизерная стипендия и редкие подработки уходили на самое необходимое. Лишь раз в несколько месяцев, затянув пояс до предела, ему удавалось выгадать крохотную сумму, чтобы отправить ее родителям. На этом его возможности заканчивались.

В этот момент Гоудань почувствовал острую, почти физическую благодарность судьбе за то, как сложилась его собственная жизнь. Какое счастье, что они с Ван Сюанем начали крутиться и копить капитал еще подростками! Он мысленно поблагодарил тот первый случайный фарт, когда они удачно провернули дело с Лю Шуньцзе и сорвали солидный куш. Вспомнил командира полка Чэнь Чжэнго, который снабжал их ценными сведениями и протягивал руку помощи в трудную минуту. Вспомнил Лю Юаня, открывшего им дорогу на юг. Без этих людей и подвернувшихся возможностей они бы никогда не поднялись. Только повидав мир и сравнив разные судьбы, они поняли, в какую сторону двигаться.

Не будь этого, Гоудань, пожалуй, и среднюю-то школу не закончил бы, не говоря уже об университете. О какой сытой и привольной жизни тогда вообще могла идти речь? Начинать с абсолютного нуля чертовски тяжело, но когда у тебя появляется первый капитал, заставить деньги работать на себя становится куда проще.

Говорят, славу нужно искать смолоду. Но Гоудань переиначил бы эту мудрость: богатеть надо

как можно раньше!

Пока он предавался воспоминаниям, Чжао Шэн и Ван Фан увлеченно спорили, предлагая один вариант нелепее другого. Заметив, что Гоудань ушел в себя, Чжао Шэн легонько толкнул его в плечо:

— Слышь, Ли Кай, а как мы вообще начнем этот разговор? Неловко же жуть как.

Цзяхуэй был старше их всех, и заводить подобные беседы казалось делом крайне щекотливым. И хотя в общении его никто не величал «старшим братом», общаясь на равных, негласная субординация все равно чувствовалась. В те годы просить о помощи считалось делом постыдным, но и предлагать ее нужно было с величайшей осторожностью, чтобы не обидеть человека.

— Скажем прямо, без обиняков, — отозвался Гоудань.

— Напрямик? А если он со стыда сгорит?

— Если начнете мямлить и ходить вокруг да около, он напридумывает себе бог весть что. В конце концов, у каждого в жизни бывают черные полосы.

Парни дружно вздохнули. Ну надо же: решили прослыть тимуровцами, совершить доброе дело в духе великого Лэй Фэна, а в итоге заработали себе головную боль. Хоть плачь, хоть смейся!

Вскоре дверь отворилась, и вошел Дэн Цзяхуэй. Глаза его все еще оставались красными. Вот уж точно: когда за душой ни гроша, любой богатырь спасует. Столкнувшись с такой бедой, парень, разменявший третий десяток, почувствовал себя абсолютно беспомощным. Всю жизнь он только и делал, что учился, и теперь просто не знал, куда себя деть. От безысходности он либо часами тупо пялился в учебники, либо уходил бродить в одиночестве, пытаясь переварить свое горе.

В комнате повисла неловкая пауза. Парни переглядывались, не решаясь начать разговор.

Видя это, Гоудань взял инициативу на себя:

— Цзяхуэй, присаживайся. Ребята рассказали мне, что у тебя стряслось. Да, мы все здесь пока еще просто студенты, но мы прежде всего товарищи. У нас есть одно предложение, послушай и скажи, что думаешь. Мы решили сначала посоветоваться с тобой, потому что дело касается твоей семьи. Без твоего согласия мы ничего предпринимать не станем, идет?

Дэн Цзяхуэй после секундного колебания кивнул. Голова у него шла кругом, мысли путались. Гоудань вкратце обрисовал план, после чего все замерли в ожидании ответа.

На лице Цзяхуэя отразилась мучительная гамма чувств. Ему и так было невыносимо стыдно, что соседи по комнате узнали о его нищете, а теперь они предлагают раструбить об этом на весь университет? Чтобы каждый встречный тыкал в него пальцем и жалостливо вздыхал?

Гоудань сразу понял, о чем тот думает. Всё шло точь-в-точь по его худшему сценарию: уязвленное самолюбие нашептывало парню, что любая помощь — это лишь замаскированная жалость. Но ведь мир устроен иначе. Кому вообще сдалось тратить время на пустую жалость? Если люди предлагают руку помощи, они делают это от чистого сердца. Глупо отвергать искреннее сострадание, подозревая товарищей в тайном злорадстве или высокомерии. Это же полное недоверие к людям!

Заметив, как полыхнул в глазах Цзяхуэя гнев пополам с обидой, Гоудань мягко произнес:

— Цзяхуэй, выбрось из головы мысли о жалости. Мы хотим помочь тебе, и делаем это искренне, без всякого двойного дна. Умение принимать помощь, когда она действительно необходима, — это тоже проявление мудрости и силы духа. Никто из нас не застрахован от беды. Сегодня тяжело тебе, а завтра прижмет кого-то из нас, и ты точно так же протянешь руку помощи. Мы же учимся вместе, мы как братья в этой комнате. Неужели ты думаешь, что нам плевать на твою горе? Я сам вырос в деревне, как и ты. В детстве я чуть не умер с голоду. Выжил только потому, что сердобольные соседи и дальняя родня делились с нами последней горстью риса. Если бы я тогда пошел на принцип из ложной гордости и отказался от их подаваний, меня бы сейчас просто на свете не было. И уж точно никакой университет мне бы не светил. В деревнях испокон веков люди делились последним куском хлеба, и никто не считал это зазорным. Почему же ты готов принять помощь от деревенских соседей, но воротишь нос от нас, своих однокурсников? Или ты планируешь получить диплом и навсегда вычеркнуть нас из своей жизни? Это взаимовыручка, понимаешь? Никакая это не милостыня. Сейчас главное — выкарабкаться из ямы, а со всем остальным разберемся позже. Ну же, скажи, что думаешь?

— Или если у кого-то из нас случится беда, ты просто пройдешь мимо и не поможешь? — добавил Ван Фан уже гораздо мягче.

Остальные наперебой принялись его убеждать:

— Цзяхуэй, если мы сможем хоть немного облегчить твою ношу, нам самим станет легче на душе. А смотреть, как ты чернее тучи ходишь и с ума сходишь от горя, — каково нам, потвоему?

Дэн Цзяхуэй совсем растерялся под этим натиском искреннего участия. Он молча вытер кулаком набежавшие слезы и тихо, срываясь на шепот, проговорил:

— Ребята, я все понимаю... Спасибо вам. Но там нужны просто безумные деньги. Местный врач в уезде развел руками и сказал, что они бессильны. Отправил отца домой... Сказал, чтобы готовили ему то, что он любит, и... просто ждали конца. А если везти в провинциальную клинику — это же бездонная бочка, у нас таких средств в жизни не наберется.

— Мы не знаем точного диагноза, — мягко произнес Гоудань. — Но в любом случае нужно сделать все, что в наших силах. А там уж — как небо рассудит.

В глубине души Гоудань понимал суровую реальность: даже если болезнь действительно зашла слишком далеко и медицина бессильна, семье Цзяхуэя все равно конец. Все их скудные сбережения наверняка уже ушли на бесполезные обследования в уезде. Дома не осталось ни гроша. А ведь впереди неизбежные расходы на похороны, поминки... Да и младшим братьям с сестрами нужно на что-то жить и учиться.

Если собранные деньги не помогут спасти больного, они хотя бы поддержат живых, дадут им передышку в самый тяжелый момент. Через пару лет Цзяхуэй закончит учебу, устроится на работу, начнет прилично зарабатывать, и тогда семья вздохнет свободнее. Но озвучивать эти горькие мысли вслух Гоудань не стал. Вместо этого он лишь повторил, что деньги нужны в первую очередь на обследование и лекарства. Правда, затеять сбор средств в стенах университета было задачей не из легких — большинство студентов сами едва сводили концы с концами.

<http://bllate.org/book/19654/1996840>